

Моим родителям, сестрам, брату,
племянникам и племянницам

Предисловие

Тема тайной миграции привлекала меня еще до того, как стала направлением академического исследования, что привело к написанию книги «Экс-центричная миграция», а также нескольких статей и глав в других книгах. Эта тема была важной частью моей научной деятельности и вдохновляла на творчество в области изобразительного искусства. Одна из моих картин, «Сжигая море», помещена на обложку этого произведения. Она иллюстрирует главную тему книги, а именно концепцию «сожжения», магрибского термина, обозначающего тайную миграцию, которой картина отражает как в буквальном, так и в переносном смысле.

Когда в 2015 году работа над «Экс-центричной миграцией» подошла к концу, в мире произошли морские трагедии: тогда тысячи людей пытались пересечь Средиземное море и попасть в Европу. Некоторые путешествия завершились успехом, но многие перегруженные лодки перевернулись, и люди утонули. Эти события получили название «кризис беженцев» и были признаны «крупнейшим гуманитарным кризисом в Европе со времен Второй мировой войны». Хотя в этой книге рассматривается Западное Средиземноморье (миграция из Туниса, Алжира и Марокко в основном во Францию, Испанию и Италию), многие из ее идей и выводов применимы к кризису беженцев в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Внимание и реакция на этот феномен схожи с тем, как миграцию в Западное Средиземноморье восприняли на международном уровне. Затрагиваются те же обширные темы: политика идентичности, нативизм, глобализм, исламофобия и мировоззрение «столкновения цивилизаций». Заметно большое сходство в освещении

тайных пересечений границы средствами массовой информации и во многих политических реакциях и дискуссиях, которые за этим последовали. Хотя на сегодняшний день — за исключением романа турецкого писателя Хакана Гюндая «Encore» о слежке за людьми, получившего престижную премию Медичи в номинации «Для иностранных писателей» в 2015 году, — нет кинематографических, литературных и музыкальных произведений о недавних трагедиях с участием беженцев с Ближнего Востока, «Экс-центричная миграция» может послужить ценным источником информации для будущих сравнительных исследований. Действительно, и Сирия, и Тунис пережили беспрецедентный массовый отъезд людей, последовавший за «арабской весной» и начавшимся региональным хаосом. Более того, из-за общих языков (в основном арабского) мигрантов и беженцев из Западного и Восточного Средиземноморья, а также общей политики Запада против иммиграции и войны, которая вызвала достаточно сильное чувство отчаяния и заставила людей спасаться бегством, невзирая на риск утонуть, эта книга представляет собой исследование, которое помогает понять кризис беженцев: его причины, последствия, то, как пересечение Средиземного моря отражается в средствах массовой информации, и сложные политические последствия, когда речь идет об изображении араба, направляющегося на Запад. Углубленный лингвистический анализ позволяет составить более обоснованный образ, чем во многих СМИ. Например, последние часто используют термины «мигранты» и «беженцы» как взаимозаменяемые, в то время как на самом деле эти термины обозначают статусы, которые четко разграничены международным правом. В то время как потенциальная принимающая страна, столкнувшаяся с экономическим кризисом или не нуждающаяся в рабочей силе, может отказать мигранту в приеме на том основании, что этот человек пытается обосноваться за границей в первую очередь для повышения своего уровня жизни, беженец — это человек, чья жизнь на родине находится под угрозой. В конце 2015 года на странице своего веб-сайта Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев предупреждало: «Беженец или мигрант? Выбор

слова имеет значение». Да, это различие имеет решающее значение и позволяет избежать недопонимания, которое может способствовать националистическому, популистскому и ксенофобскому дискурсу, что в свою очередь влияет на иностранцев, прибывающих в Европу. Кроме того, такого рода неточности могут скрывать опасность, с которой сталкиваются люди, когда их право на убежище не соблюдается. Эта распространенная ошибка в названии опасна тем, что скрывает моральную ответственность Европы перед беженцами, которые защищены международным правом.

Связь между этой книгой и глобальным кризисом беженцев прослеживается в трагедиях 2013 и 2015 годов, когда перевернулись корабли с мигрантами из Ливии и Сирии. После этих событий феномен тайной миграции, который существовал на протяжении десятилетий, наконец-то стал известен международной аудитории и потряс весь мир. Но, как показывает эта книга, вопреки изображениям в популярных новостных сообщениях, подобные пересечения не новы; более того, они не всегда являются следствием жестокой политической нестабильности. До Туниса в поле зрения западных СМИ попадали тайные мигранты из Алжира и Марокко. Глобальный миграционный кризис показывает актуальность изучения тайных переправ через Средиземное море, но самое главное — призывает обратить внимание на опасный характер миграции, когда миграция на самом деле является правом, также предоставляемым международным законом. Я надеюсь, что «Экс-центричная миграция» внесет свой скромный вклад и прольет свет на эту динамику, ее причины и последствия, а также на отчеты средств массовой информации и политическую риторику. И то и другое — сложные механизмы, которые формируют общественное мнение и политику. В то же время кинематографические, литературные и музыкальные произведения отражают собственное видение событий, предлагая альтернативные и весьма информативные взгляды на то, как объекты гегемонистского дискурса видят самих себя и какие нарративы они предлагают в качестве сюжетных линий в своих отчетах.

Благодарности

Я приступил к работе над «Экс-центричной миграцией», еще когда преподавал в Университете Миннесоты. Я в долгу перед своими коллегами, которые прочитали ранние рукописи глав: Дэниелом Брюэром, Марией Минич Брюэр, Сьюзан Ноукс, Джудит Э. Прекшот, Эйлин Сиверт и Кристофом Уолл-Романа. Доминик Тома прочитал рукопись и дал отличные советы, за которые я ему глубоко признателен.

В процессе написания книги «Экс-центричная миграция» у меня была возможность делиться результатами своей работы в Соединенных Штатах и за рубежом на многих профессиональных конференциях, симпозиумах и семинарах. Я благодарю ученых, университеты и учреждения за приглашение выступить: Сильвию Бермудес (испанский и португальский языки) и Роберто Стронгмена (афроамериканские исследования), Калифорнийский университет в Санта-Барбаре; Сильви Дюрмела и Милену Санторо (французский язык и франкоязычные исследования), Джорджтаунский университет; Нури Гана (сравнительное литературоведение и языки и культуры Ближнего Востока), Калифорнийский университет, Лос-Анджелес; Ральфа Хейнделса и Джему Перес-Санчес (современные языки и литература), Университет Майами; Кристофера Л. Миллера и Эдвиги Тамале-Талбаева (французский язык), Йельский университет. Я также презентовал главы этой книги на Международном семинаре по изучению французского языка и франкоязычным исследованиям XX и XXI веков, на мероприятиях Ассоциации исследований стран Ближнего Востока и Ассоциации современного языка. Я благодарю своих собеседников на дискуссионных площадках и слушателей за их вопросы.

Несколько грантов Университета Миннесоты помогли дописать эту рукопись. Выпуск курса Колледжа гуманитарных наук позволил мне доработать одну из глав, а две премии за научные исследования фонда «The Imagine Fund» помогли профинансировать исследования, которые я проводил в Париже. Институт глобальных исследований, программа «Special Events» фонда «The Imagine Fund», спонсорские институты, центры, факультеты и программы оказали существенную финансовую помощь, которая позволила мне провести симпозиум под названием «Сжигая море: тайная миграция в эпоху глобализации» в апреле 2013 года. Это был первый в США междисциплинарный симпозиум, посвященный тайной миграции и ее репрезентации в литературе и искусстве. Он собрал широкий круг выдающихся ученых, работающих в сфере гуманитарных и социальных наук на разных национальных языках.

Я хочу поблагодарить Райну Поливка из издательства «Indiana University Press» за ее интерес к книге. Я также выражаю благодарность Дженне Линн Уиттакер, Дженис Элизабет Фриш и Назарет Панталони III за ответы на технические вопросы и вопросы по оформлению. Кроме того, спасибо Дебби Маси и выпускающему редактору Карен Холлман за их подробный просмотр рукописи.

Я также выражаю признательность редакторам журнала «Contemporary French & Francophone Studies: Sites» за разрешение использовать и дополнить мою статью «“Burning the Sea”: Clandestine Migration across the Strait of Gibraltar in Francophone Moroccan “Illiterature”», которая была опубликована в их сентябрьском номере за 2009 год. Приглашенным соредактором выступил Эндрю Собане. Я также хотел бы поблагодарить издательство «University of Nebraska Press» за то, что позволило мне воспроизвести несколько иную версию статьи «Turning Integration Inside Out: How Johnny the Frenchman Became Abdel Bachir the Arab Grocer in Il était une fois dans l'oued (2005)». Она вышла в 2012 году в книге «Screening Integration: Recasting Maghrebi Immigration in Contemporary France» под редакцией Сильви Дюрмела и Виная Свами.

Коллегиальность и дух товарищества среди моих коллег стали настоящим подарком судьбы. Я благодарен Раги Ассаду, Карле Каларже, Джанкарло и Синем Казале, Ивлин Дэвидхайзер, Сильви Дюрмела, Клаудии Эспозито, Родерику А. Фергюсону, Офелии Ферран, Барбаре Фрей, Донне Р. Габачча, Присцилле Гибсон, Ньери Гитире, Майклу Голдману, Джейми Ханнекену, Лизе Хилбинк, Трике Даниэль Китон, Рахми Дия Ларасати, Патрише М. Э. Лорсин, Ануару Маджиду, Набиль Матару, Бринде Дж. Мета, Валери К. Орландо, Джеме Перес-Санчес, Садику Рддаду, Кэтрин Л. Рейерсон, Аджаю Скария, Лилиане Суарес-Навас, Шаден М. Тагельдин, Эдвигу Тамале-Талбаеву, Уильяму Виестенцу и Джону Уоткинсу. Как в академической среде, так и за ее пределами мои друзья были вдохновляющими собеседниками: Робин Андерсон, Али Хасмут, Доминик Ликопс, Самара Рей, Натан Сайверсон и Кристофер Вагнер. Я в неоплатном долгу перед Мирей Розелло, Брайаном Т. Эдвардсом, Дорис Л. Гаррауэй, Жаном Майнилом, Насрин Кадер и Алессией Риккарди за то, что они продолжают оказывать мне неоценимую помощь. Спасибо Поле Дурбин-Уэстби и Самаре Рей за составление указателя.

Я в огромном долгу перед своими друзьями Рокки Шилханekom, Хизер Уолтерс и семьями Мид и Шилханек за их неоценимую поддержку на протяжении многих лет. Моя учеба была бы невозможна без любви и поддержки моей семьи во Франции, Марокко и Алжире. Я выражаю свою глубокую любовь моему отцу Мустафе, который, к сожалению, скончался до выхода этой книги, и моей матери Захре: их жизнь — образец смирения, доброты и непредубежденности. Я также выражаю свою самую искреннюю любовь Фаизе; Хаяте и Али; Камелю и Хадидже; Инес, Илесс, Ибу Тиссему, Янису, Райану, Фаресу, Хинде, Сабри и Джейду за то, что дарят мне море любви, когда я с ними и за океаном.

Я глубоко признателен всем вам в пяти странах и на трех континентах, чьи беседы и дружба сопровождали меня на протяжении многих лет. Даже если я забыл упомянуть ваше имя, воспоминания не забываются, и ваш вклад навсегда останется в этой книге.

Примечание о переводе и транслитерации

Всякий раз, когда литературное произведение было доступно в переводе, я цитировал отрывки из английской версии. Отрывки из критических, теоретических и публицистических работ, недоступных на английском языке, я перевел сам. Для фильмов я использовал субтитры, когда это было возможно. Однако, если перевод или субтитры были неподходящими, отсутствовали или вводили в заблуждение, я предлагал свой перевод. Что касается музыки, то тексты песен переведены мной с арабского, французского и испанского языков.

Транслитерация с арабского необязательно соответствует системе «International Journal of Middle East Studies» (IJMES). Вместо нее я использовал несистематический метод. Одна из причин данного решения связана с тем, что в этой книге я использую самые разнообразные формы арабского языка (современный литературный, марокканский, алжирский), а также арабизированный французский, который содержит значительное количество заимствованных арабских слов. Хотя для классического и современного стандартного арабского языка принято использовать кодифицированную форму транслитерации, она не является общепринятой для вариантов арабского языка, часто называемых диалектами. Вот почему я предпочел более свободный, фонетический подход, который не всегда включает диакритические знаки или пытается воспроизвести определенные лингвистические правила с помощью маркеров. Например, в главе 4, где я переводил фрагменты текстов песен с разговорного арабского, я не указал на разницу между обычными и эм-

фатическими звуками, а также между краткими и долгими гласными. Кроме того, в разных главах я использовал римскую букву *h* (иногда с заглавной буквы, иногда нет) для обозначения двух близких и в то же время разных звуков. Я также следовал магрибской практике, используя буквенное сочетание *gh* для звука [ɣ] (считается близким к французскому *r*), *kh* для гортанного звука [x], существующего в немецком и кастильском языках, и *r* для раскатистого *r* [r], распространенного в испанском и итальянском, а также во многих других языках, на которых говорят в странах Средиземноморья.

Введение

Страны Средиземноморья и миграция в глобальную эпоху

Я не француз и не марокканец, я нахожусь где-то посередине. Я испанец!

Мустафа Аль Атрасси

Тупик франкофильской миграции?

Конец лета в порту Мелильи, испанского анклава на севере Марокко. Громко играла арабская музыка, заглушая разговоры семей в автомобилях и микроавтобусах. На этом пережитке испанского протектората стояла глубокая ночь. Примерно часом ранее водителям было приказано выстроиться в очередь возле парома, чтобы сотрудники испанской таможни могли проверить транспортные средства и документы. Мне было 17 лет, когда в этом же порту я наблюдал, как служебная собака обнаружила подростка, который прятался в сумке, сунутой под ноги пассажирам на задних сиденьях припаркованной перед нами машины. Ожидая, пока ее обыщут, моя семья наблюдала за всем происходящим. Из машины мы видели, как уводили испуганного подростка, который хватал ртом воздух и обливался потом. Мы так и не узнали, что стало с ним или с другими людьми из той машины. Каждый сентябрь, возвращаясь во Францию, мы видели молодых мужчин, прогуливающих взад и вперед по насыпному валу, который возвышался над причалом. Они старались подойти как можно ближе к машинам, ожидающим посадки на паром, в надежде, что их подвезут. Бдительные жандармы Гражданской гвардии безжалостно прогоняли полных надежды мигрантов. Во время

одной из поездок я увидел, как юноша попытался взобраться на борт нашего судна по якорному канату. Услышав подбадривающие крики пассажиров, жандармы подбежали к парому и попытались сбросить юношу с каната. Толпа испугалась, когда он едва не упал. Марокканцы молили бога о помощи. Некоторые женщины закрыли глаза, предчувствуя трагический конец. Кто-то из пассажиров закричал. Однако две пары, которые прогуливались по причалу, весело наблюдали за происходящим, вероятно, привыкшие к подобным событиям. В конце концов юношу схватили на палубе, а затем проводили в заднюю часть патрульного фургона и отвезли. Я не в первый раз наблюдал за подобной погоней по обе стороны Гибралтарского пролива.

Хотя те тревожные события уже стерлись из моей памяти, в своей научной работе я занялся исследованием тайных пересечений границы. Только недавно я осознал, что мой личный опыт, вероятно, сыграл определенную роль в выборе этого направления исследований. Когда я начал изучать данную тему, я не знал, какой объем работы был проделан в этой сфере. В 2008 году я впервые выступил с докладом о представлении нелегальной миграции в трех марокканских литературных произведениях, а именно в «Partir» Бен Джеллуна, «Cannibales» Махи Бинебина и «Les Clandestins» Юсуфа Амина Элалами. Затем я решил углубить свое исследование и включить в него другие материалы. Я обнаружил, что за последние 20 лет на тему тайной миграции из Северной Африки было создано множество литературных произведений, фильмов и песен. Однако вскоре я понял, что по различным рассмотренным проблемам почти не было научной критики. Мне захотелось исследовать этот феномен, который хорошо знаком многим магрибинцам (североафриканцам) и *Beurs* (французам североафриканского происхождения), поскольку они столкнулись с ним лично¹.

¹ Я выделяю слово *Beur/Beurs* курсивом, чтобы передать мысль о том, что это противоречивое название постепенно используется все реже, поскольку конкурирует с другими терминами, популярными во Франции. К новым терминам относятся *Rebeu*, обратное написание (верлан) арабского слова, и набирающее популярность *Rabza*. Я выделяю слово *Beur* курсивом, как

Преобладание миграции из Северной Африки во Францию в XX веке во многом связано с колониальным прошлым Франции². Хотя у меня нет возможности проследить генезис колонизации Французской империей в этой книге, я хотел бы кратко изложить историю колониального присутствия Франции в регионе, а также постколониальные изменения, чтобы лучше понять последующее развитие миграционных процессов в странах Магриба³. Европейские империи, включая Францию, Испанию, Италию, Бельгию, Великобританию, Германию и Нидерланды, завоевали Африканский континент, а Франция обосновалась в основном в Северной и Западной Африке. В 1830 году Франция начала завоевывать

если бы оно было чуждо жизни и словарному запасу тех, кого обозначают таким образом. Роман Сорайи Нини, писательницы-*Beur*, носит красноречивое название «*Ils disent que je suis une beurette*» («Они говорят, что я бер»). Поэтому мое выделение курсивом производных от слова *Beur* (*Beurette*, *Beurité* и т. д.) направлено на то, чтобы вернуть им их странность и инародность (*étranger* означает как иностранный, так и чуждый). Я не помню, чтобы меня когда-либо причисляли к *Beur* в той части Нормандии, где я вырос, но незнакомые люди называли меня *Algérien*, навешивая ярлык алжирца на любого, кто выглядел как магрибинец. СМИ, которые сыграли важную роль в распространении слова *Beur*, в настоящее время используют зашифрованный термин *les jeunes* (молодежь), который охватывает более широкую группу иностранцев и граждан Франции африканского (североафриканского) происхождения.

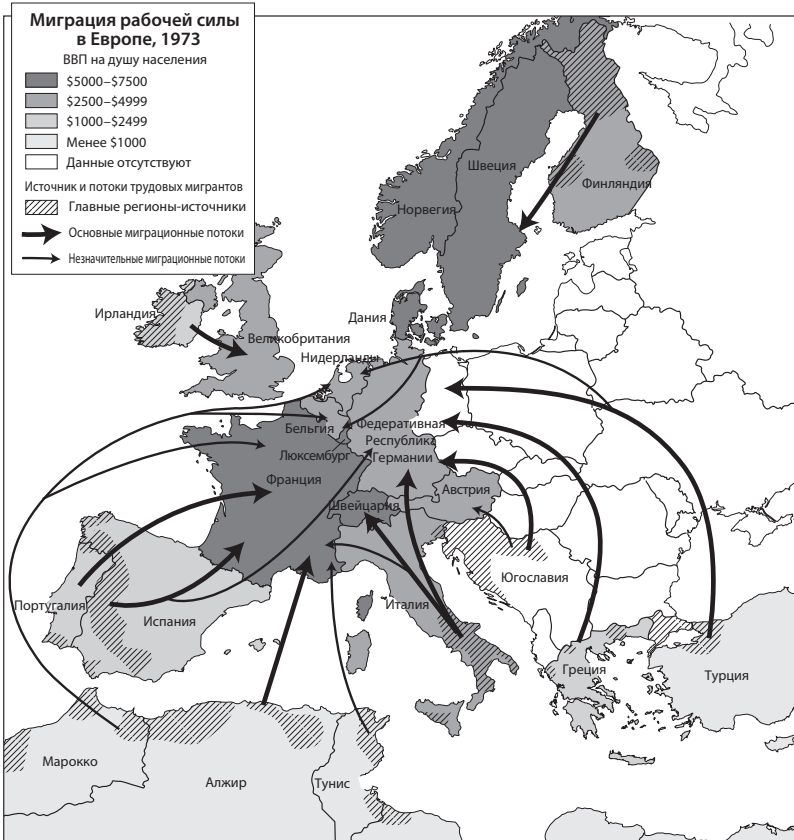
² В этой книге я буду использовать миграцию в основном в единственном числе как общую категорию для обозначения процесса перемещения через границы. Конечно, это не означает, что существует только один тип таких путешествий, поскольку существуют различные паттерны. Выбор в пользу сингуляризации сделан главным образом ради простоты и отчасти в знак признания универсальной склонности человечества свободно путешествовать и переезжать с места на место. Различные авторы, обсуждаемые здесь, утверждают, что люди должны иметь возможность мигрировать так же, как их персонажи переходят из рук в руки, пересекая границы, невзирая на национальные и языковые различия, законы и религиозную принадлежность, а также на криминализирующие дискурсы.

³ Другие варианты написания — *Maghrebien*, *Moghribi* и *Maghribi*. Хотя можно предположить, что слово *Maghribi* является более подходящим, и в последнее время ученые используют его чаще, в этом исследовании автор использует слово *Maghrebi* (магрибский), которое продолжают использовать многие североафриканские писатели, художники и критики.

северные регионы Африки, начав с Алжира, сначала используя предлог для своего присутствия (карательная операция против алжирского дея, который ударил генерального консула Франции мухобойкой), а затем превратив возмездие в войну против арабов и берберов [Lorcin 1995: 17]. Французское правительство расширило свое африканское вторжение на Марокко в 1912 году и на Тунис в 1916 году, оправдывая свое длительное присутствие на континенте «цивилизаторской миссией». В то время как Марокко и Тунис были объявлены протекторатами и обрели свободу в 1952 и 1956 годах соответственно, Алжир, ставший *département* (провинцией) Франции, обрел независимость только в результате длительной освободительной войны (1954–1962). Во время своего правления в Северной Африке Франция поощряла иммиграцию местных молодых мужчин, которые были завербованы для оказания помощи в развитии метрополии и ее восстановлении после Второй мировой войны. После нефтяного кризиса 1973 года французское правительство решило ужесточить свои иммиграционные законы — смена направления, которая в последующие годы неоднократно повторялась, особенно при консервативных правительствах. Карта 0.1 показывает перемещение рабочей силы в 1973 году. Решение ограничить число «легальных» иммигрантов из Северной Африки и бороться с «нелегальной» иммиграцией из этого региона оказало значительное влияние на характер миграционных процессов за пределами Магриба.

«Экс-центричная миграция» опровергает распространенное мнение о том, что эмигранты из бывших европейских колоний мигрируют преимущественно на земли бывших государств-колонизаторов⁴. Это говорит о том, что, несмотря на языковую близость с колонизаторами, привычку работать на эту нацию и дополнительные исторические связи, мигранты из стран Магриба (Марокко, Алжира и Туниса) все чаще совершают *экс-цен-*

⁴ На карте 0.1 показано, что в 1973 году Франция была основным пунктом назначения для алжирских и тунисских мигрантов. Франция была одним из трех основных направлений (наряду с Бельгией и Нидерландами) для марокканцев.

Карта 0.1. Миграция рабочей силы в Европе, 1973. Взято из книги «People on the Move: An Atlas of Migration». Используется с разрешения автора

тричную миграцию. В этом термине заложен двойной смысл: во-первых, экс-центрирование, или перемещение из Франции как привилегированного места назначения для мигрантов в такие страны, как Испания, Италия, Великобритания, Германия и Нидерланды. Другими словами, поездки отклоняются от исторической нормы для этого региона. Во-вторых, такой вид миграции

отличается эксцентричностью не только в направлении — с севера на юг или с севера на восток, — но и в методах передвижения, которые используют мигранты: на рыбацких лодках, в качестве безбилетных пассажиров на паромах, прячась в грузовиках или даже помертв. Эти несанкционированные пассажиры прибывают из Северной Африки и стран Субсахарской Африки, из стран, находящихся в состоянии войны, из мирных мест, с близких берегов, таких как Марокко и Тунис, и из далеких стран, таких как Ливия, Сенегал, Сирия, Нигерия и Азия.

Цель этой книги — привлечь внимание читателя к обоюдоострому характеру некоторых из последних перемещений людей между Глобальным Севером и Глобальным Югом, а также к литературной и культурной репрезентации этих путешествий. Основное внимание в ней уделяется северному и южному берегу Западного Средиземноморья. По моему утверждению, с 1990-х годов миграция магрибинцев все больше становится эксцентричной. В этом исследовании рассматриваются литературные, кинематографические и музыкальные репрезентации нетипичных миграционных тенденций во франкоязычных, арабских и испанских произведениях элитарной и популярной культуры, созданных начиная с 1990-х годов. Такие работы оспаривают манеру освещения в средствах массовой информации и основные политические дискурсы, а также раскрывают мотивы, стоящие за новыми миграционными потоками и изменившимися паттернами диаспор. По моему утверждению, в современных произведениях культуры Западного Средиземноморья мы сталкиваемся с новыми сценариями, связанными, во-первых, с незаконными переправами в северном направлении по Средиземному морю; во-вторых, с изменением направления движения (вместо направления из Франции в Северную Африку); и, наконец, распространение «щупальцевых» перемещений людей в периферийные страны (из Франции в другие части Европы и за ее пределы, особенно на Ближний Восток). В книге приводится множество свидетельств трех данных тенденций, наметившихся за последние 30 лет. В случае тайной миграции отдельные лица «нелегально» эмигрируют на судах через море (часто неисправных). Обратная

миграция, которой до сих пор уделялось минимальное научное внимание, затрагивает детей иммигрантов во Франции, которые едут на родину своих предков в Магриб, чтобы похоронить родителей, и таким образом оказываются в незнакомой стране и культуре⁵. По моему утверждению, в процессе, который я называю дивергентной миграцией, мигранты стремятся лишиться себя статуса *émigrés* (в переводе с французского — эмигранты), как это ни парадоксально, путем новой миграции в другое место. Это означает, что сегодня люди покидают Францию ради таких отдаленных мест, как Саудовская Аравия. В этом случае даже французские граждане иностранного происхождения, которые чувствуют себя исключенными, бегут из Франции в поисках отдаленного и необычного места, которое становится более привлекательным вариантом, чем опыт второсортного гражданства в Европе. Книга затрагивает широкий спектр произведений литературы и кино. И впервые в ней исследуются музыкальные произведения, чем до сих пор пренебрегали исследователи миграции магрибинцев.

Путем рассмотрения произведений культуры Северной Африки, в которых уделяется внимание малоизученным паттернам миграции, это исследование призвано заполнить пробел в современной науке, которая исторически представляла миграцию в понятиях центра (Франция) и периферии (бывшие колонии на юге). На карте 0.2 показано число мигрантов, прибывших в Испанию и Италию в 2007 году из различных стран, включая Марокко. Один из тезисов книги о том, что Францию изображают как экс-центр, или, другими словами, что она утратила притягательную силу для прибывающих мигрантов и в свою очередь становится все менее значимой во франкоязычных культурных

⁵ В эту категорию также входят сами мигранты, которые возвращаются в страну, где их считают *émigrés*. Большое количество исследований, в основном социологических, было проведено по этой теме в Южной Европе, но было проведено слишком мало гуманистических анализов, особенно о странах Магриба. Два из этих редких исследований — «Обратная миграция в Магриб» Ричарда Лоулесса, А. Финдли и А. М. Финдли и сборник «Миграция в арабский мир» под редакцией Годфри Гунатиллеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru